

*Гийому, Симону-Адероу и Реми-Тарикю:
не важно, где я, — пока вы со мной, я дома.*

Дача — загородный дом, обычно для летнего отдыха.
Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова

Тогда началась волшебная сказка, и во мне впервые пробудилась та любовь, которой суждено было длиться всю мою жизнь¹.

MARCEL PAGNOL
La Gloire de mon père

1 Марсель Паньоль. Слава моего отца. Перевод Н. Гнединой.
(Здесь и далее — прим. перев.)

От автора

“Дача” родилась из моей потребности в ней, из моей неотступной мечты в тревожное время, которое нам всем выпало пережить (и которое для нас еще не закончилось).

Прошлой весной резкий упадок сил из-за сложившейся ситуации едва не парализовал меня, но, главное, мне не удалось воспользоваться этим вынужденным перерывом и начать писать. Поэтому я принялась размышлять. О том, чем хотела бы поделиться, об истории, которую расскажу в следующем романе. В романе о том, что будет “после”. Или, если получится, в “романе-встрече” после разлуки...

Я долго искала и нашла убежище, место, где могла бы вновь обрести все, чего мне остро не хватало, в окружении моих персонажей, которых я так люблю, с их силой и слабостями, горестями и испытаниями. Место, где можно предаться ностальгии и вволю насладиться ею. Место, где люди обнимаются и танцуют, где свободно выплескивается радость.

Когда я впервые переступила порог “Дачи”, мне показалось, будто я “распахнула ставни”, вырвалась из ночной тьмы...

ОТЕЛЬ “ДАЧА”

Представьте себе летнее утро, вы просыпаетесь, вокруг легкий полумрак, вы догадываетесь, что солнце поднялось, а на улице довольно жарко — не слишком, но вам уже понятно, что день будет прекрасным. Вы встаете, открываете ставни, и свет окутывает вас нежным сиянием, вы улыбаетесь, и вы живете... Да, в такие минуты я улыбаюсь, я счастлива, и я снова живу...

Желаю вам приятно провести время в отеле “Дача”... Пусть оно будет таким же радостным и волнующим, как у меня.

АНЬЕС МАРТЕН-ЛЮГАН

Пролог

Я вконец устала и насквозь промерзла. Очередная ночь на улице. Вообще-то я уже три года как перестала вести счет таким ночам. Что я, интересно, вообразила? Что стоит мне пересечь Францию, голосуя на дорогах, и все мои проблемы уладятся как по мановению волшебной палочки, потому что я сменю регион? Верить в это очень хотелось, и я цеплялась за любой, самый крошечный намек на надежду. За любую мелочь, едва различимую крупинку, благодаря которой снова захочу сражаться, снова захочу жить. Однако, надо заметить, я не была наивной невинной овечкой, отнюдь. В двадцать один год я уже чувствовала себя старой и сломленной. Когда я достигла совершеннолетия, меня озарила блистательная идея: чтобы отыскать мать, я ускользнула от внимания социальных служб. Скрыться-то я скрылась, а толку? С тех пор я была предоставлена самой себе и справлялась, как могла. На меня сыпались удары, я отбивалась, когда требовалось. Постоянная готовность дать

отпор вошла у меня в привычку едва ли не с самого рождения.

Чтобы поесть и не каждую ночь проводить на улице, я не гнушалась ничем, лезла в любую грязь и все меньше уважала свое тело. Шло время, и ситуация, в которую я попала, делалась все опаснее. Наступил момент, когда необходимость где-то отсидеться стала вопросом выживания. Я надеялась, что еще не слишком поздно. Сработал инстинкт самосохранения.

Он-то и велел мне зайти в первую попавшуюся забегаловку, оказавшуюся на моем пути. Мне срочно надо было согреться. Нескольких монет у меня в кармане хватало на чашку кофе. Я выбрала стол, с которого просматривался зал, попросила принести кофе и стала ждать. Я любила слушать разговоры в кафе, это меня успокаивало и позволяло мечтать о других жизнях, не таких, как моя, даже если зачастую они тоже не были такими уж развеселыми. Преимущество фантазий заключалось в том, что, пока они длились, я не думала о своем положении и была не такой одинокой. Чтобы выпутаться, мне постоянно приходилось быть начеку. Накануне вечером меня высадили у вокзала в Кавайоне. Я похвалила себя за то, что в школе не была совсем никчемной ученицей и сумела примерно сориентироваться по карте. Однако до меня почти сразу дошло, что здесь мне ловить нечего. Я попала в бистро, куда приходили местные, деревенские жители, чей язык точно не был мне знаком. Обычно я имела дело с мелкой шпаной, они корчили из себя уголовных авторитетов, которыми, вполне возможно, станут в будущем, причем даже в ближайшем. А эти мужчины и немно-

гочисленные женщины вели себя просто и искренне, к чему я не привыкла. Хуже того, я чувствовала себя беспомощной перед их доброжелательностью. Ведь я привыкла всегда и ко всем относиться с подозрением. Моя жалкая личность, в свою очередь, привлекла внимание местных. Наверняка они тоже выдумывали всякие истории про меня. Я, конечно, старалась выглядеть прилично — у меня все же сохранились остатки достоинства, — однако мой внешний вид говорил сам за себя. Я куталась в большое черное пальто, которое заодно служило мне одеялом и не очень согревало, сапоги — несколько лет назад они упали с проезжавшего мимо грузовика, и я подобрала их — с гордостью демонстрировали свою долгую службу на пройденных дорогах, мое лицо было не слишком чистым, глаза так устали, что краснота заползала на голубизну радужки, грязные темно-русые волосы были небрежно собраны в пучок. Не стану уж описывать рюкзак, который я прислонила к ногам, как самое ценное имущество, каковым он, безусловно, являлся: в нем было все, чем я владела. Я ненавидела вызывать жалость. Но что заслужил, то и получаешь. В данный момент мне требовалось только одно: найти решение, чтобы не застрять здесь.

Допив кофе, я направилась к стойке с последними монетами, зажатыми в кулаке.

— Извините, не подскажете, кто-нибудь собирается ехать в Марсель, Тулон или Ниццу? — спросила я хозяйку как можно более вежливо. — Все равно куда, я только хочу попасть в большой город, чтобы найти работу.

И крышу над головой... Но об этой мелочи я предпочла умолчать.

— Ищешь работу? — неожиданно обратился ко мне мужчина лет шестидесяти с хриплым голосом.

— Ой, Джо, привет! А я тебя не заметила, — воскликнула хозяйка.

Он кивнул в ответ, продолжая изучать меня. Его мощное сложение и искореженная физиономия боксера произвели на меня впечатление, но я постаралась скрыть это.

— Сколько тебе лет, девчонка?

— Двадцать один.

Он вздрогнул, я не поняла почему.

— Действительно хочешь поработать? По первому впечатлению, сил у тебя немного, ты похожа на кролика, ослепленного светом фар.

Я сдержалась и не послала его. Надо оставаться учтивой.

— Зависит от того, что вы мне предложите.

— Мне нужна горничная в гостиницу.

Я ни на что особенное не претендовала. Для меня это была непозволительная роскошь. Мой приоритет — выжить. Интуиция подсказывала, что этот мужчина не даст мне возможности взвесить все за и против. Надо было как-то выиграть время, успеть поразмыслить, оценить его. Мое доверие не завоевывалось одним щелчком пальцев.

— А где она, эта ваша гостиница?

— За городом, километрах в двадцати отсюда, ты вряд ли знаешь это место.

Он был прав, но иногда нахальство становилось единственным доступным мне оружием. Я вздернула подбородок:

— Вы все же скажите.

— В Гульте.

— В Гульте есть где переночевать?

— У нас ты получишь постель, еду и душ.

Спорить с такими убедительными аргументами я не могла. Кровать, место, где я буду в безопасности, не буду голодать и смогу помыться.

— А что я должна буду делать за это?

На его лице проступила ироническая ухмылка, не лишенная оттенка грусти. Может, я его обидела, намекнув, что от меня, наверное, ждут чего-то еще? Выходило, что мы все-таки живем в разных мирах.

— Честно вкалывать и не жаловаться на сверхурочные.

— И все? Никакой подставы, ничего такого...

— И все. Не беспокойся, от тебя потребуется только быть честной и работать.

Настанет день, когда мне придется заплатить за эти щедроты. В реальной жизни щедрых людей не бывает.

— Когда вы хотите, чтобы я начала?

— Завтра. Поедешь сейчас со мной, устроишься, помоешься, выспишься, поешь, а потом будешь полгода вкалывать. Если справишься, естественно...

— Мне приходилось заниматься вещами и похуже, чем уборка.

— Охотно верю.

Мы с вызовом уставились друг на друга. Его предложение было более чем странным, оно должно было меня напугать. Нельзя идти за невесть откуда взявшимся мужчиной, предложившим тебе работу в своей гостинице. Все, абсолютно все, было подозрительным. Но в самой глубине души я чувствовала, что могу или даже должна довериться ему. Несмотря на изрезанное морщинами лицо и жесткий взгляд — на таких я в своей жизни насмотрелась, — в нем было что-то обнадеживающее.

— Я пойду с вами.

По его лицу как будто промелькнула тень облегчения, но это произошло так быстро, что я не была уверена, правильно ли поняла. Я даже не успела среагировать и уж тем более уяснить, на что согласилась, как он хлопнул в ладоши, давая сигнал к уходу, и сгреб мой рюкзак, причем так, словно тот ничего не весил. Кивнул хозяйке за стойкой и направился к выходу.

— Беги, — поторопила меня женщина. — Джо не отличается терпением.

Я побежала за незнакомцем, который уводил меня неизвестно куда. Он перешел через дорогу, не проверяя, следую ли я за ним. С другой стороны, моя жизнь была в его руках, так что он догадывался, что я не отстану от него ни на шаг. Подойдя к огромному пыльному внедорожнику, он небрежно швырнул эту мою жизнь на заднее сиденье и сел в машину, по-прежнему не обращая на меня внимания. Возле автомобиля я на мгновение заколебалась. У меня оставался последний шанс схватить рюкзак и умчаться со всех ног.

— Это не ловушка, — сообщил он, не удостоив меня взглядом и уже взявшись за руль.

— Я вас не знаю.

Он как-то удрученно посмотрел на меня:

— Поехали, и если тебе у нас не понравится, обещаю отвезти тебя, куда захочешь. Только куда ты пойдешь в этих больших городах, о которых говоришь? Голову на отсечение даю, что ты там никогда не была. Тебя там кто-то ждет? Там тебе найдется где спать? Я для тебя не большой незнакомец, чем те, на кого ты наткнешься в большом городе.

— Подъезжаем.

Я задремала от усталости и оттого что мы всю дорогу молчали. Интересно, который час? Он весь день возил меня с места на место и только просил оставаться в машине, когда выходил из нее. Единственный раз он обратился ко мне, протягивая сэндвич, и заодно объяснил, что еще не сезон и гостиница закрыта — весна только начиналась, — поэтому нужно будет все привести в порядок к приезду клиентов, которые ожидаются меньше чем через неделю. Солнце уже висело низко и просвечивало сквозь голые пока ветви деревьев. Он свернул с шоссе. Дома были разбросаны по безлюдным окрестностям, насколько хватало глаз. Этого-то я и опасалась. Я буду отрезана от всего. И доказательство тому — пришедшее в запустение селение, попавшееся нам по пути. А потом машина съехала на узкий ухабистый проселок. Не заметь я вдали огромное строение, подумала бы, что он сейчас завезет меня вглубь леса и разрежет на куски.

— Мы в горах! — вырвалось у меня помимо воли, когда я запаниковала из-за открывшейся передо мной картины.

Он расхохотался, искренне и бесхитростно.

— Так ты, девчонка, не представляешь, где находишься?! Вон там, на севере, — он махнул в сторону высившейся вдали безлесной, покрытой снегом вершины, — гора Ванту, “Тигант Прованса”, и Воклюзские горы. А на юге Люберон. Я тебе как-нибудь покажу.

Вообще-то мои географические познания были весьма скудными. Я только усвоила, что мы находимся в Провансе. А он больше не обращал на меня внимания и сосредоточился на дороге. Мы въехали в кипа-

рисовую аллею, и он резко сбавил скорость, оставившись перед собой и как-то вдруг погрузившись в свои мысли. Вдали, по обе стороны от нас тянулись поля лаванды и оливковые рощи, мелькали виноградники. Я была потрясена. Никогда бы не поверила, что это так красиво и так успокаивает. Я ожидала, что деревенский пейзаж покажется мне пугающим, а сейчас я была бы рада, если бы он остановил машину и позволил мне прогуляться на природе, которая всегда была для меня чужой. Мы проехали вдоль стены, сложенной из камня, со старым дорожным указателем. Этот человек не обманул меня. Он действительно был владельцем отеля, причем немаленького, судя по открывшейся перед нами монументальной аллее. Мы въехали в огромные ворота из кованого железа и покатали к дому, а навстречу нам то и дело попадались грузовички рабочих и садовников. Он опустил стекло и всякий раз притормаживал, чтобы поприветствовать каждого и спросить, успевает ли тот к сроку. Все разговаривали с ним весело, но уважительно, повторяя “без проблем, до завтра, хозяин”. Еще через несколько минут он остановился на парковке и выпрыгнул из автомобиля. Я последовала его примеру, не дожидаясь разрешения. Ноги затекли, ведь я несколько часов кряду просидела в одной и той же позе.

— Подожди здесь, попробую найти жену. Она займется тобой.

Я даже не успела ничего сообразить, а он уже вытащил мой рюкзак и шел с ним по двору. Потом вошел в гостиницу через большую деревянную дверь и исчез из моего поля зрения. Я застыла на месте, настороженно озираясь, и вдруг почувствовала себя будто под гипнозом, не понимая, грозит ли мне что-то или же я в пол-

ной безопасности. Такое со мной случалось не часто, и я была под сильным впечатлением. Прежде всего, должна признать, от этого мужчины, но и от гостиницы тоже. Я больше привыкла к обшарпанным домам и к хозяевам размещенных в них ночлежек. А этот человек привез меня в какое-то фантастическое место, такого я никогда в жизни не видела, да что там, я даже не подозревала о существовании чего-то подобного. Сам по себе отель был импозантным, величественным: каменные блоки, большие ставни, огромные платаны вокруг всего двора, фонтан, казавшийся сказочным благодаря покрывавшему его мху. Я и двух дней здесь не продержусь, это место не для меня. Должна ли я прямо сразу сбежать, вернуться к своей бродячей жизни, чьи правила я выучила наизусть и в которой умею выживать? А может, надо остаться и использовать свой шанс в этом мире — чужом и незнакомом, но полном такой неожиданной и неодолимой притягательности?

— Девчонка! — позвал он. — Иди сюда.

Я подчинилась.

— Шагай в холл. Через несколько минут к тебе выйдет моя жена. Я отнес рюкзак к тебе в комнату.

Он не оставил мне возможности сбежать, и он уже уходил.

— Подождите!

Зачем я его остановила? Он недоуменно обернулся и терпеливо ждал, пока я открою рот.

— Спасибо, — с усилием выговорила я и сама удивилась, насколько искренне это прозвучало.

Он кивнул, слегка усмехнувшись, и ушел. Я проследила за ним: он двинулся к ресторану, расположенному в строении, которое когда-то давно было, по всей вероятности, амбаром, прошел вдоль террасы

и исчез за углом. Я обернулась к отелю и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы набраться храбрости.

А потом я словно бросилась в пропасть: пересекла большой двор, поднялась на несколько ступенек крыльца, обрамленного цветущими олеандрами, и вошла — наконец-то — внутрь.

Холл был огромным. На стойке из светлого дерева, покрытого патиной времени, мне бросилась в глаза старинная лампа под абажуром с бахромой. Затем мое внимание привлек золотой блеск ключей в настенном шкафчике. Да, я действительно была в отеле, причем в таком, который не имел ничего общего с теми, что я знала до сих пор. Каменная лестница вела на этажи. Одна зона холла служила, наверное, гостиной для клиентов: кресла и диваны навевали мысли об отдыхе и покое, и я бы с удовольствием прилегла на один из них. Но с учетом моего невезения приглашения я вряд ли дождусь. С того места, где я стояла, мне была видна столовая, ее большие стеклянные двери вели в сад, казавшийся бесконечным.

— Сейчас-сейчас! Уже иду! — раздалось вдалеке.

Я завертела головой, пытаюсь угадать, с какой стороны слышится голос. А потом из коридора, которого я до сих пор не замечала, вышла женщина в элегантном темно-синем платье. Она была красива холодной и довольно необычной красотой, черные волосы собраны в пучок, надо лбом выразительная седая прядь. Половину очень бледного лица занимали огромные золотисто-зеленые глаза. От нее веяло печалью, которая не могла не найти у меня отклика. Несоответствие между этой женщиной с ее отелем и мной потрясло меня. Я не привыкла иметь дело с такими людьми.